

Научная статья

УДК 930.85:2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.2>

Религиозное реформаторство: теологические догмы и конструирование социально-культурных смыслов

Татьяна Игоревна Грицкевич¹, Ольга Ивановна Жукова², Евгений Фёдорович Казаков³

^{1,2,3}Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹taigree@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6479-504X>

²oizh@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9689-208X>

³kemcitykazakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Аннотация. Статья посвящена анализу истоков религиозного реформаторства, обусловленных духовным правом человека на личный внутренний выбор удовлетворяющего его содержания веры и конструирования социально-культурных смыслов; проявлений когнитивной свободы личности в толковании Священного Писания. Исследование религиозного реформаторства показывает, что социальные явления протеста культуру определены поиском созвучной модели социальной идентичности с религиозной практикой народа. Если духовная культура не позволяет восполнить реализацию нравственных потребностей интеллектуальной практики народа, то новые социальные смыслы общественных отношений формируют потребность в иных нравственных ценностях. При незыблемости религиозной догматики именно организация культа развивает критичное осмысление Библии и поиск нравственных оснований для социального взаимодействия людей через протест против религиозных страхов, обеспечивающих превосходство Церкви над свободой выбора духовного опыта личности.

Ключевые слова: религиозная доктрина, религиозные сообщества, глобализация, религиозное реформаторство, социальные смыслы верующих, контекстуальная теология, традиция, религия, сакральность

Для цитирования: Грицкевич Т.И., Жукова О.И., Казаков Е.Ф. Религиозное реформаторство: теологические догмы и конструирование социально-культурных смыслов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. С. 20–27. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.2>.

Original article

Religious reformation: theological dogmas and the construction of socio-cultural meanings

Tatiana I. Gritskevich¹, Olga I. Zhukova², Evgeny F. Kazakov³

^{1,2,3}Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹taigree@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6479-504X>

²oizh@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9689-208X>

³kemcitykazakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Abstract. The article analyzes the origins of religious reformation, due to the spiritual right of a person to a personal inner choice of a satisfying meaning of faith and the construction of socio-cultural meanings; manifestations of the cognitive freedom of the individual to interpret the Holy Scriptures. The study of religious reformation shows that the social phenomena of a protest against a religious cult are determined by the search for a consonant model of social identity with the religious practice of the people. If spiritual culture does not make it possible to fill the realization of the moral needs of the intellectual practice of the people, then new social meanings of social relations form the need for other moral values. With the inviolability of religious dogma, it is the organization of a religious cult that develops a critical understanding of the Bible and the search for moral foundations for social interaction between people through a protest against religious fears that ensure the hierarchy of the cult of the church over the freedom to choose the spiritual experience of an individual.

Keywords: religious doctrine, religious communities, globalization, religious reformism, social meanings of believers, contextual theology, tradition, religion, sacrality

For citation: Gritskevich, T.I., Zhukova, O.I. & Kazakov E.F. (2022) Religious Reformation: theological dogmas and the construction of socio-cultural meanings. *Society: Philosophy, History, Culture*. (4), 20–27. Available from: doi:10.24158/fik.2022.4.2 (In Russian).

Дискурс об источнике социального сегодня лишен исследовательского внимания в плане анализа различий социальных смыслов человека, принадлежащего к той или иной определённой

религиозной конфессии. Проблема способов конструирования социальных различий между религиозными конфессиями, исповедующими христианство, также остается без должного внимания в современной культурологии и философии религии. С.В. Кардинская говорит о «выявлении в дискурсивных практиках верующих различных христианских направлений специфичности обозначения места религиозного сообщества в секуляризованном мире» (Кардинская, 2011: 27).

Группы верующих идентифицируют себя через социальные маркеры причастности к религиозному сообществу не только по признаку единства вероисповедания, но и по солидарности разделения единых социальных смыслов, оппозиционности смыслового оперирования содержательных признаков понятий «общества потребления», «постиндустриального общества», «информационного общества». Феномен выстраивания социальной оппозиции между «мы» как единым религиозным сообществом и «они» – иным сообществом за пределами «мы», не разделяющим основополагающие категории вероисповедания, проявляется в осознанной идентификации каждой личности, определяющей свою принадлежность через духовные практики веры. Это отчетливо выражается в подчеркивании следованию нравственных и морально-этических устоев религиозного сообщества. Содержание моральных норм и опыт руководства в повседневной деятельности нравственными принципами, определяющими отношение верующего человека к другим, во многом обусловлены общепринятым толкованием религиозных догм в культуре сообщества. Рефлексия социального поведения, взаимного отношения людей обуславливает не только науку о нравственности, но и интерес к содержательному предмету социальных смыслов, определяющих совместные цели сообществ, включая религиозные.

Социальное конструирование смыслов, которые формируют представление верующего человека об обществе или нравственных основаниях поведения, осуществляется иначе. В отличие от возможности трансформации нравственных ориентиров гражданского общества, регулируемого на основе модели правового государства, содержание нравственных ценностей верующих людей во многом обусловлено незыблемостью религиозных догм. Вера является единственным источником формирования нравственных ценностей и закона морали. Она не подвержена значительным преобразованиям, как общесоциальные нравственные ориентиры, деформирующиеся под влиянием политики, экономических ценностей и культурных трендов. Поиск модели устойчивого развития практики социального взаимодействия людей в обществе является целью многих гуманистов, философов и исследователей. Интеллектуальные искания человечества длительны и неоднозначны. Путь поиска начат с размышлений Платона, его знаменитого «Государства»¹, написанного в 360 году до н.э., но актуального и сегодня. Искание стабильности модели мы видим в современных концепциях мирового государства Европейского союза с его базовыми символами свободы, демократии и социального партнерства, раскрываемого в работе О.Э. Терехова «Социальная политика Европейского союза: институциональные основы и тенденции развития» (Терехов, 2014: 31–54). Солидарные исследовательские усилия объединены единой целью – определить базовые наднациональные нравственные ценности и моральные ориентиры, способные удерживать общество в устойчивом, стабильном состоянии.

Целью настоящего исследования является выявление и описание процессов формирования социальных смыслов участников религиозных конфессий, которые влияют на поддержание социальной стабильности. Анализ понимания процессов зарождения и трансляции религиозных доктрин, формирующих механизмы социального взаимодействия, нам представляется особенно актуальным и востребованным.

Основной задачей исследовательского поиска является понимание механизмов формирования религиозных и социально-культурных смыслов, объединяющих верующих в сообщество. Внимание к феномену религиозного реформаторства и реакции на его идеи ставит перед нами задачу выявления социальных смыслов, сформированных верой, которые выступают мотивом действий людей в обществе. В этой связи особенно характерно проявляет себя дилемма социальных оснований веры и влияния социального на основания веры.

Настоящее исследование является попыткой проникнуть в сложные многоуровневые процессы моделирования людьми социальных смыслов на основе религиозных догм. Анализ воздействия явления религиозного реформаторства на социальные смыслы и собственно рассмотрение общественных конструктов, оказывающих влияние на осознание верующими религиозных догм, предприняты на основе христианства. Именно эта великая мировая религия и уникальная духовная традиция демонстрирует яркие примеры осуществления религиозных реформ, сопровождавшихся трансформацией содержательного смысла ряда положений веры, что представляет обширнейшее поле для исследования феномена социального конструирования религиозного мировоззрения.

¹ Платон. Сочинения : в 4 т. / под общ.ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 1. 752 с.

Церковные догмы предопределяют социально-культурные смыслы верующих и влияют на содержание социальных отношений, участниками которых они выступают. В текстах Священного Писания мы видим указание на то, что Бог не нуждается в служении для Себя от кого бы то ни было. Так же Он не питается никакими материальными подношениями, которые предлагаются людьми в качестве жертв (Пс. 49/50: 9–13). В Ветхом Завете есть строки о неугодности жертвоприношений Богу (Иер. 6: 20; Ос. 6: 6; Пс. 39: 7 / 40: 6). Поэтому в христианской теологии служение Богу понимается как служение людям (*литургии*). В содержании Нового Завета это положение переосмыслено: служение ближнему толкуется как прямое служение Богу (Мф. 25: 31–46). Это яркий пример религиозного реформаторства посредством выделения новых общественных смыслов в конструировании социального взаимодействия. Содержательное значение библейской истории приношения Авраамом в жертву Богу своего сына Исаака (Быт. 22: 1–19) состоит в том, чтобы обозначить символичность покорности человека божественной воле жертвоприношением животных.

Во многом на трансформацию религиозных смыслов и культа влияет осознание народа сопричастности общей судьбе на основе единства веры. Новый социальный смысл необходимости жертвенности в служении людям, обществу становится центральным в мотивации объединения людей в более абстрагированные социально-политические общности на уровне организации государства.

Несмотря на сохранение незыблемости религиозной догматики, история религии отмечает периодические попытки верующих реформировать религиозный культ и изменить толкование его догм. Исследование феномена церковного реформаторства является специфическим процессом. С одной стороны, предмет изучения доступен широкому кругу культурологов, философов, историков, социологов. С другой – все исследования проблем религиозного реформаторства проводятся вне религиозного сообщества, а это значит, что исследователь не в полном объеме освещает изучаемый предмет, не разделяет социальных смыслов, сформированных религиозными догмами и культом, что может привести к необъективности выводов. Проблема религиозного реформаторства неотделима от проблемы интерпретирования теологами социально-культурного опыта в контексте религиозного. Понимание божественного замысла истории и действий людей во имя Бога ведет к проблеме трансцендентального в осмыслении исторической динамики общества. Рассуждения о трансцендентальном всегда ограничены рамками дозволенного толкования предмета веры в преодолении рубежа возможности объяснения. Эти процессы граничат с дуализмом соотношения веры и разума. Религиозная интерпретация оснований веры также определяется рамками культурно-исторического опыта сообщества взаимодействующих людей.

Коммуникация с миром каждого человека является фундаментальным отношением, определяющим факт того, что есть мир, окружающий нас, и есть мы, существующие в нем. Наша активность в мире, осознанность её проявлений свидетельствуют о том, что человек живет. Понятие деятельности становится базовым в характеристике сложного механизма отношения субъекта и объекта. Содержание понятия «деятельность» неразрывно связано с сутью социального взаимодействия, которое имеет в своей основе когнитивные процессы осознания человеком общих правил, моделей поведения и форм самовыражения.

Основные компоненты структуры человеческой деятельности в социуме были выделены теоретиками деятельностного подхода М.С. Каганом (Каган, 1974: 234–239), Г.П. Щедровицким (Щедровицкий, 1995: 115–125, 347–383), Э.В. Ильенковым (Ильенков, 1984: 28–125), Г.С. Батищевым (Батищев, 1969: 90), Э.Г. Юдиным (Юдин, 1975: 34–126). В качестве определяющего условия существования человека ими было названо наличие у него сферы идеального (идеи, мотивы, цели как продукты психики человека) и способности к её «объективации» в человеческой деятельности.

Феномен новых форм взаимодействия раскрывается через толкование артефакта как произведённого предмета или смыслового конструкта, определяющего смысл действия. Социальное творение нового образца поведения, новой формы действия проявляется в придании новых, ранее не свойственных смыслов явлениям социальной реальности. Модели поведения, отражающие смысловой контекст социального действия, являются артефактом, поскольку порождены интеллектуальной деятельностью человека. Новое действие, наполненное ранее не использованными смыслами, предназначается для его практического использования и инкорпорирования в систему человеческих целей. Многие наблюдаемые объекты мы осознаём не просто как наблюдаемые нами, а как созерцательные в связи с наделением их социально-культурным смыслом.

Образность, схематичность, иерархичность в языковых выражениях мыслительных образов (образов – слов – речи) интеллектуальной деятельности человека помогает объяснять механизмы сложного многоуровневого взаимодействия конкретного человека с содержанием его представлений о социальных институтах (ритуалах, традициях, организации деятельности), в том числе организацию взаимодействий с религиозными институтами. Опыт переживания веры, приобщение к

таинствам, осознанность догм становятся источником формирования религиозного мировоззрения. Понимание смыслов вероисповедания, как отмечено Е.В. Романовской, становится базовым когнитивным механизмом формирования нравственных ценностей (Романовская, 2022).

При этом религиозное реформаторство мыслится шире, чем локальный процесс изменения отдельного устройства в церковной иерархии. Оно представляет собой духовное движение в поддержку новых социально-духовных смыслов, направленное на изменение религиозного культа в уточнении содержательных основ веры, на которые опирается верующий в своей повседневной жизни. Единым мнением исследователей истории эпохи Реформации 1517–1648 годов становится указание на причину этого духовного явления в возвращении христианства к апостольским временам, в очищении веры от человеческих домыслов и противоречивости интерпретаций священных текстов. Особенно подчеркивается влияние социальных факторов на формирование общего недовольтства отдельными аспектами существующего религиозного культа. К ним относятся: неприятие национальной идентификации и государственности стран Европы римской церковью, возвышение церковнослужителей в социальной иерархии общества и их доступ к благам, признание главенства власти католической церкви над светской властью глав европейских государств.

Осознанность противоречивости социального положения священнослужителя как посредника между верующим и Богом отражает сложные механизмы определения его социального статуса по отношению к лицам, лишенным духовной власти. Иерархия функциональных связей духовенства становится организующей силой, направленной на создание системы образовательных учреждений внутри религиозных конфессий. Через них происходит не только религиозная социализация, но и формирование представлений верующего человека о его роли в жизнедеятельности общины, религиозной организации и общества в целом (Гаврилов и др., 2022). Религиозно-социальные смыслы правил, норм, традиций и содержания универсальных категорий христианства сформулированы в священных текстах Евангелия. Различность их интерпретаций в соответствии с разными территориальными локациями верующих и священнослужителей выразилась в религиозном расколе христиан Западной Европы на католиков и протестантов.

К процессам моделирования социальной реальности, к действиям людей по реформированию моделей социального взаимодействия, к вариантам обоснований культурных ценностей, научных парадигм, религиозных догм применимо понятие социального конструирования (Карпович, Лапина, 2009: 9–10). Оно объясняет процессуальные аспекты реформирования человеком не только материальных объектов, но и понятий, раскрывающих свое содержание в категориях религиозной культуры.

Многообразие концепций, посвящённых проблеме сущности и форм социальных изменений, указывает на отсутствие среди исследователей единого мнения по этому вопросу. Отсутствие универсальной теории описания феномена социальных изменений лишает нас методологической основы для объяснения механизма отказа людьми от исторически устоявшихся форм взаимодействия и начала договорённостей о совместном конструировании новых. В частности, мы не найдем развернутых исследований, посвященных феномену религиозного реформаторства. Многочисленные исторические труды будут объяснять причинные связи этого явления. Однако содержательный контекст Реформации как исторического явления XVI – начала XVII веков в Европе, которая выразилась в преобразовании всех сторон церкви, даёт богатый материал для понимания важных смыслов духовно-преобразовательной деятельности человека, направленной на трансформацию института религии в социальной сфере общества.

Среди положений, объясняющих сущность произошедших в этот исторический период изменений, равно как и любых иных последующих изменений религиозного культа, в том числе реформ в религиозно-духовной сфере, внимания заслуживает то, согласно которому преобразования инициируются людьми с целью снятия противоречий в обосновании предмета разума и предмета веры (Грицкевич, 2013: 203). Религиозные смыслы, отражаемые верой, непоколебимы до того момента, пока не станут очевидны явные противоречия в них. Только социальный опыт, состоящий в очевидной фиксации всех материальных составляющих конкретного материального предмета, формирует разумное знание. Есть грань между принятием веры как сверхъестественного и оспариванием ее очевидными доказательствами, приводимыми разумом. Для верующего очевидна потребность в интеллектуальном обосновании существования трансцендентного такими доводами, которые не будут оспорены разумным сомнением в истинности. Но так же очевидна и потребность в поиске нового смысла веры, укрепления её путём раскрытия нового содержания христианских догм.

Социальная теория отмечает специфику реформаторской деятельности. Как подчеркивает Т.И. Грицкевич, она есть рефлексия социальной практики – избирательно-целенаправленная, удерживающая внимание, сосредотачиваемая на предметно-практическом и духовно-теоретическом отношении человека к социуму (Грицкевич, 2009: 68). История человеческой цивилизации

богата опытом реформирования общественного устройства. Неудовлетворённость организацией общества не только проявляется в признании необходимости социальных преобразований, но и становится источником реформирования личностных и социальных смыслов взаимоотношений человека и Бога. Сомнение в правильности религиозного культа влечет за собой трансформацию обрядов, изменение форм взаимодействия человека с Богом, преобразование духовно-нравственных смыслов толкования Священного Писания как божественного откровения и разрушение религиозных догм или их замещение другими под влиянием трансформационных процессов реформирования общества.

История европейских реформационных процессов XVI века изобилует фактами социальной поддержки идеологов и реформаторов христианства – М. Лютера и Ж. Кальвина (1509–1564), Т. Мюнцера (1490–1525), Н. Шторха и М. Буцера (1491–1551), У. Цвингли (1484–1531). Это свидетельствует не только о начале реформирования института религии, но и о наличии потребности в трансформации религиозных смыслов в соответствии с потребностями социальной сферы, доминирующими на определенном этапе развития цивилизации. Многочисленные представители европейского общества этой эпохи приняли идеи Возрождения, что обусловило формирование потребности в видоизменении религиозного культа. Основания нравственности, совести как сложной смысловой системы духовной деятельности человека постоянно нуждаются в определении созвучных конкретной исторической эпохе социальных смыслов, которые позволяют не только восполнять понимание человеком окружающего мира, но и формировать духовные основы культуры.

Источником 95 тезисов Мартина Лютера против продажи индульгенций явились сущностные основания нравственности как сложной смысловой системы духовной деятельности человека. Все они содержали толкование христианских догм, отличных от официально принятых католической церковью (Cummings, 2002; Lohse, 1999: 489). Так, понимание покаяния осознавалось глубже, чем это мыслилось в содержании буллы 18 октября 1517 года папы Льва X об отпущении церковью грехов и продаже индульгенций. В 1567 году папа Пий V запретил предоставление индульгенций, включая их покупку за денежное пожертвование Церкви. В XX веке католическая церковь возвратилась к этой форме взаимодействия человека и Церкви, выпустив в 1968 году «Руководство по индульгенциям». Оно сформировано на теории, объясняющей, что заслуги Иисуса Христа Бога-Сына и Богоматери Девы Марии, а также святых и мучеников, свершенные ими добрые дела и принесенные жертвы сформировали право Церкви на предоставление индульгенций верующим. Условие прощения грехов было обозначено в особом документе – индульгенции Папы Римского Франциска от 8 декабря 2020 года, изданной в связи с пандемией коронавируса COVID-19. Прощение грехов даруется всем, покающимся в течение года, «при намерении, выполнить три условия, дома ли или в другом месте вынужденного нахождения, – исповедь, причастие и молитва».

Wicks обращает внимание на точку зрения М. Лютера на этот вопрос: таинство покаяния и отпущения грехов для человека в связи с непрекращающимся процессом духовной самооценки человеком своих поступков длится всю жизнь до момента смерти (Wicks, 1967: 483). Поэтому право прощения греха в лоне церкви есть только краткий внешний акт священника, принимающего раскаяние от имени Бога. И в этом духовном акте важна искренность человека, его чувство и нравственное осознание собственных грехов.

Смещение акцентов толкования христианских догм Лютер связывал с осознанностью глупости веры человека и протеста против произвола искажения их смысла священнослужителями. Он ясно понимал отсутствие исключительности Церкви в посредничестве установления диалога между человеком и Богом и потому прямо выступал против властного возвышения папской церкви над человечеством. Ведь обращение в молитве к Богу не требует внешнего культа, это акт духовного единения и искренности самого человека. Неслучайно опыт толкования Лютером различий в христианском понимании оснований веры, выразившийся в его противоречивых тезисах, одновременно осуждающих и оправдывающих католические церковные традиции, стал толчком для религиозного раскола Европы.

Несмотря на объявление официальной церковью ересью учения протестантов, движение за поиск интеллектуальных обоснований социальных смыслов христианства находило своих последователей и в последующие столетия духовной истории христианства. Это в первую очередь свидетельствует не столько о политическом и культурном разобщении Европы, сколько о потребности каждой нации найти свою идентичность в религиозном отношении посредством уникальных социально-культурных смыслов (англиканство, старокатолицизм, лютеранство, кальвинизм, меннониты, пятидесятники, баптисты, методисты, мормоны, Свидетели Иеговы и общины радикального толка). Совпадение их позиций касалось идей свободы от вмешательства церковной власти в светскую жизнь, отказа от десятины и злоупотреблений религиозной властью, духовной коррупции, достижения простоты в понимании смысла церковных обрядов и религиозных догм.

По мнению В.А. Кувакина, «конечная цель новейшего реформаторства та же, что и всякого религиозного модернизма: укрепление социальных позиций религии и церкви в изменяющихся общественных условиях» (Кувакин, 1980: 293).

Ключевыми позициями религиозного реформаторства на протяжении многих столетий являются догмы, определяющие учение о нравственных ценностях. Христианская Церковь опирается на толкование догм исключительно для формирования нравственных ценностей, которые будут поддерживать незыблемость веры, сохранять преемственность христианско-этических воззрений. Можно говорить об идеологии христианства как о сложной системе теоретических концепций социального устройства, в которой духовный опыт вероисповедания является единственно возможным для преодоления социального отчуждения и неудовлетворённости. Учение о нравственных ценностях христианства, как и богословие, развивалось в двух традициях: академически-теологической и внецерковной. Внецерковная религиозно-реформаторская традиция толкования христианских догм обеспечена славянофилами А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, И.В. Киреевским (Хомяков, 2018: 17–18; Аксаков, 2019: 625–632; Киреевский, 2007). Нравственные дилеммы и откровение веры подчеркнуты Ф.М. Достоевским в метаниях души, вопрошании и поиске спасительной правды в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». Осмысление оснований веры тонкой нитью связывают философские труды В.С. Соловьёва, а его фундаментальный труд «Оправдание добра. Нравственная философия» демонстрирует глубокий анализ этических проблем человеческого существования (Соловьёв, 2010). Примечательна мысль философа о трагичности человеческой истории, ведомой идеалами социальной справедливости, духовно поработавшими человека. Развиваясь в русле платоновской традиции, русская философия всегда была обращена к религиозным истокам культуры, к экзистенциальным переживаниям, созерцанию мира и творения Бога.

Проблема нравственного начала человека первостепенна и для церковнослужителей православия. Н.П. Рождественский подчеркивает важную роль деяний святых отцов: святителя Игнатия (Брянчанинова), преподобного Паисия (Величковского), святителя Феофана Затворника, праведного Иоанна Кронштадтского, преподобного Ефрема Сирина, – в формировании нравственных оснований православной церкви – единства, святости, соборности и апостольской преемственности (Рождественский, 1893: 74–75). Священник П. Флоренский предметом нравственности называет свободу воли человека против божественной воли и предопределения (Флоренский, 2017).

Анализируя источники религиозного реформаторства, С. А. Малимонова (Малимонова, 2017: 147) обращает внимание, что в них не только отсутствует развернутое определение данного понятия, но и отмечается разное толкование самого социально-нравственного феномена. Религиозное реформаторство отождествляется с именем Мартина Лютера, а также с содержательными процессами религиозного модернизма. Но борьбу за духовные идеалы и нравственные ориентиры в интеллектуальном творчестве человеческой цивилизации можно наблюдать на протяжении всей истории развития христианства, начиная с зарождения и формирования догм вероучения до идей реформирования существующего религиозного культа. Причиной изменений внутренней стороны традиционного христианства С. А. Малимонова называет именно религиозное реформаторство (Малимонова, 2017).

Таким образом, можно утверждать, что оно представляет собой не только духовно-интеллектуальную деятельность верующего человека в развитии толкования и понимания догматики богословия (внутренняя сторона религии), но и проявляет себя в трансформации обрядовой части богослужений, таинств, деятельности церкви в регуляции мирской жизни духовенства и непосредственного соучастия верующих в делах церкви (внешняя сторона религии).

Особенно важным, на наш взгляд, является утверждение, что социальные явления протеста и реформации кроются в созвучии модели социальной идентичности с религиозной практикой народа. Если духовная культура не позволяет восполнить реализацию нравственных потребностей интеллектуальной практики народа, то формируемые в глубине новые социальные смыслы общественных отношений будут трансформировать старые. Познавательный интерес в гносеологическом опыте формирует духовное право человека на личный внутренний выбор удовлетворяющего смысла. Несомненно, он не противоречит нравственным ценностям верующего, напротив, ещё более укрепляет их, убеждая человека в правильности его действий. Религиозное реформаторство начинается с появления духовного права личности читать и толковать священные тексты. Это не только ослабило идеологическое господство католической церкви, но и повлияло на формирование самостоятельной интеллектуальной традиции народа в плане создания собственных уникальных социальных смыслов духовного опыта.

Истоки религиозного реформаторства всегда обусловлены гносеологической свободой и духовным правом человека на личный внутренний выбор удовлетворяющего смысла веры и конструирования социально-культурных идей. Исследование религиозного реформаторства показывает,

что социальные явления протеста религиозному культу определены поиском созвучной модели социальной идентичности с религиозной практикой народа. Если духовная культура не позволяет восполнить реализацию нравственных потребностей интеллектуальной практики народа, то новые социальные смыслы общественных отношений формирует потребность в иных нравственных ценностях. В истории развития локальных культур человеческой цивилизации мы видим новые точки отсчета времени поиска социальной идентичности личности в конкуренции постоянно взаимодействующих парадигм социально-гуманитарного знания и смысловых конструкций догм религии и её конфессий, что так же подчеркнута в исследованиях Т.И. Грицкевич (Грицкевич, 2020: 85).

Уникальность и глубину духовных оснований культурно-исторических традиций народа определяет специфика онтологизирования и самобытность практики интеллектуального освоения мира человеком в тех социально-нравственных смыслах, которые являются столпом и источником мотивации веры народа, осознания им многоуровневой и многовариантной конструкции бытия через призму человеческого духовного опыта взаимодействия с миром посредством понимания божественного замысла, открываемого в священных текстах. Особенное взаимодействие с миром человека, глубинные движущие механизмы истории и культуры проявляются посредством его духовной связи с Богом-творцом.

Список источников:

- Аксаков К.С. Собрание сочинений и писем : в 10 т. СПб., 2019. Т. 1. 720 с.
- Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 79–109.
- Гаврилов О.Ф., Жукова О.И., Казаков Е.Ф. Универсальное и локальное в ракурсе плюралистической и контекстуальной теологии // Общество: философия, история, культура. 2022. №3. С. 14–19. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.1>
- Грицкевич Т.И. Поиск социальной идентичности в конкуренции постоянно взаимодействующих парадигм социально-гуманитарного знания // Модусы социального взаимодействия: концепты идентичности, духовного опыта, общественных преобразований. Кемерово, 2020. С. 74–86.
- Грицкевич Т.И. Реформационный процесс: понятие и структура // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, № 3. С. 65–70.
- Грицкевич Т.И. Смысл социальных преобразований инициированных человеком // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1 (55). С. 201–205.
- Ильенков Э.В. С чего начинается личность? М., 1984. 388с.
- Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974. 327 с.
- Кардинская С.В. Конструирование социальных различий в дискурсе религиозных сообществ // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 25–29.
- Карпович В.Н., Лапина Т.В. Социальное конструирование и язык науки // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, № 2. С. 9–16.
- Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. 448 с.
- Кувакин В. А. Религиозная философия в России: начало XX века. М., 1980. 309 с.
- Малимонова С.А. Религиозное реформаторство и религиозный модернизм: проблема понимания развития традиционного христианства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-5 (86). С. 148–153.
- Рождественский Н.П. Христианская апологетика. Курс основного богословия. СПб., 1893. 450 с.
- Романовская Е.В. Проблемы религиозной памяти: Морис Хальбвакс // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 37–41. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.5>
- Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 2010. 671 с.
- Терехов О.Э. Социальная политика Европейского союза: институциональные основы и тенденции развития // Социальные связи в странах Евросоюза. Кемерово, 2014. С. 25–60.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 2017. 905 с.
- Хомяков А.С. Церковь одна. Опыт катехизического изложения учения о Церкви. М., 2018. 448 с.
- Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. 560 с.
- Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1975. 370 с.
- Cummings B. The Literary Culture of the Reformation: Grammar and Grace. Oxford, 2002. 470 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198187356.001.0001>
- Lohse B. Luthers Theologie in Ihrer Historischen Entwicklung und in Ihrem Systematischen Zusammenhang. Minneapolis, 1999. 378 s.
- Wicks J. Martin Luther's Treatise on Indulgences // Theological Studies. 1967. Vol. 28, iss. 3. P. 481–518.

References:

- Aksakov, K. S. (2019) *Sobranie sochinenii i pisem [Collected Works and Letters]*, Vol. 1. Saint-Petersburg, 720 p. (in Russian).
- Batishchev, G. S. (1969) *Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskij princip [Human Activity Essence as a Philosophical Principle]*. In: *Problema cheloveka v sovremennoj filosofii*. Moscow, pp. 79–109 (in Russian).
- Cummings, B. (2002) *The Literary Culture of the Reformation: Grammar and Grace*. Oxford. 470 p. Available from: [doi:10.1093/acprof:oso/9780198187356.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198187356.001.0001).
- Florenskii, P. A. (2017) *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh [The Pillar and Affirmation of Truth. The Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]*. Moscow. 905 p. (in Russian).
- Gavrilov, O. F., Zhukova, O. I. & Kazakov, E. F. (2022) Universal and Local in the Perspective of Pluralistic and Contextual Theologies. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 14–19. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.1](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.1) (in Russian).

- Gritckevich, T. I. (2009) Process of Reforming: Concept and Structure. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 7 (3), 65–70 (in Russian).
- Gritckevich, T. I. (2013) The Sense of the Social Changes Initiated by People. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. (3-1 (55)), 201–205 (in Russian).
- Gritckevich, T. I. (2020) Poisk social'noj identichnosti v konkurencii postoyanno vzaimodejstvuyushchih paradig social'no-gumanitarnogo znaniya [The Search for Social Identity in the Competition of Constantly Interacting Paradigms of Social and Humanitarian Knowledge]. In: *Modusy social'nogo vzaimodejstviya: koncepty identichnosti, duhovnogo opyta, obshchestvennyh preobrazovanij*. Kemerovo, pp. 74–86 (in Russian).
- Ilenkov, E. V. (1984) *S chego nachinaetsya lichnost'?* [Where does Personality Begin?]. Moscow. 388 p. (in Russian).
- Kagan, M. S. (1974) *Chelovecheskaya deyatel'nost' (opyt sistemnogo analiza)* [Human Activity (Experience of System Analysis)]. Moscow. 327 p. (in Russian)
- Kardinskaya, S. V. (2011) Constructing of Social Differences in Discourses of Religious Communities. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pedagogika*. (2), 25–29 (in Russian).
- Karpovich, V. N. & Lapina, T. V. (2009) Social Construction and the Language of Science. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 7 (2), 9–16 (in Russian).
- Khomyakov, A. S. (2018) *Tserkov' odna. Opyt katekhizicheskogo izlozheniya ucheniya o Tserkvi* [The Church is Alone. The Experience of the Catechetical Presentation of the Doctrine of the Church]. Moscow. 448 p. (in Russian).
- Kireevskii, I. V. (2007) *Dukhovnye osnovy russkoi zhizni* [Spiritual Foundations of Russian Life]. Moscow. 448 p. (in Russian).
- Kuvakin, V. A. (1980) *Religioznaya filosofiya v Rossii: nachalo HKH veka* [Religious Philosophy in Russia: the Beginning of the Twentieth Century]. Moscow. 309 p. (in Russian).
- Lohse, B. (1999) *Luthers Theologie in Ihrer Historischen Entwicklung und in Ihrem Systematischen Zusammenhang*. Minneapolis. 378 s. (in German).
- Malimonova, S. A. (2017) Religious Reformism and Religious Modernism: the Problem of Understanding the Development of Traditional Christianity. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. (12-5 (86)), 148–153 (in Russian).
- Romanovskaya, E. V. (2022) Religious Memory Issues: Maurice Halbwachs. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 37–41. Available from: doi:10.24158/fik.2022.3.5 (in Russian).
- Rozhdestvenskii, N. P. (1893) *Khristianskaya apologetika. Kurs osnovnogo bogosloviya* [Christian Apologetics. Basic Theology Course]. Saint-Petersburg. 450 p. (in Russian).
- Shchedrovickij, G. P. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow. 560 p. (in Russian).
- Solov'ev, V. S. (2010) *Opravdanie dobra: npravstvennaya filosofiya* [Justification of Good: Moral Philosophy]. Moscow. 671 p. (in Russian).
- Terekhov, O. E. (2014) Sotsial'naya politika Evropeiskogo Soyuza: institutsional'nye osnovy i tendentsii razvitiya [Social Policy of the European Union: Institutional Foundations and Development Trends]. In: *Sotsial'nye svyazi v stranakh Evrosoyuza*. Kemerovo, pp. 25–60 (in Russian).
- Wicks, J. (1967) Martin Luther's Treatise on Indulgences. *Theological Studies*. 28 (3), 481–518.
- Yudin, E. G. (1975) *Sistemnyj podhod i princip deyatel'nosti* [System Approach and Principle of Activity]. Moscow. 370 p. (in Russian).

Информация об авторах

Т.И. Грицкевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=304078.

О.И. Жукова – доктор философских наук, зав. кафедрой философии и общественных наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=322565.

Е.Ф. Казаков – доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=743668.

Information about the authors

T.I. Gritskovich – D.Phil., Professor, Department of Philosophy and Social Science, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=304078.

O.I. Zhukova – D.Phil., Head of Philosophy and Social Science Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=322565.

E.F. Kazakov – D. Phil. in Cultural Studies, Professor, Department of Philosophy and Social Science, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=743668.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 12.04.2022.